

УДК 177

А.В. Миронов, доцент, канд. филос. наук*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, 99053**E-mail: fsn.sntu@gmail.com***ПОДВИЖНИЧЕСТВО КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ**

Рассматривается роль подвижничества в истории религиозной мысли в контексте развития русской истории с древних времен до наших дней.

Ключевые слова: *подвижничество, религиозная вера, общество, русская история.*

Формирование национальной доктрины лежит в основе создания идеологии, понятной большинству населения, независимо от индивидуальных особенностей существования. Скрепляющим фактором становится объединение не только по принципам общей территории, веры, обычаев, этнической общности, но и общей идеологии, содержащей жизненно важные компоненты духовного бытия. Новые перспективы развития в XXI веке для Российского государства диктуют необходимость создания фундаментальных основ взаимосуществования, выживаемости этносов перед лицом жестких проблем: демографический кризис, обострение геополитических противоречий, массовая миграция населения сопредельных государств. Социальное согласие, религиозная и национальная терпимость, согласование интересов личности и системы, взаимодействие с властью, общественный идеал рассматриваются как актуальные вопросы деятельности гражданина. Противоречия, порожденные переломом 90-х годов, приняли иные очертания, но степень силы противостояния только возросла. Копирование западных образцов оказалось несостоятельным, идея «общечеловеческих ценностей» как манифест адаптации в буржуазное пространство канул в прошлое на фоне международных конфликтов и войн. Перманентное обострение отношений с Евросоюзом и НАТО подтверждает принцип о самостоятельном выборе Россией своего вектора развития истории, неслучайно появление таких понятий как «суверенная демократия», «расширенное сотрудничество», «титульная нация», «европейский выбор». Позиция зависит от политической принадлежности, обладания собственностью, источников дохода.

Особым аспектом национальной доктрины выступает мотивация участия в государственной деятельности. Мировая цивилизация имеет сжатый набор вариантов: долг как выполнение устоявшейся традиции, материальное вознаграждение, социальный престиж, освященное религиозное указание, идентификация с собственной безопасностью и выживаемостью, личное тщеславие и честолюбие. Выделение приоритета из перечисленного во многом становится импульсом развития данного общества, формирует гражданские ценности, поведенческие установки, повседневную мораль.

Русская история имеет феномен, который не имеет широкого распространения в Западной Европе – подвижничество. В России оно сыграло важнейшую роль в становлении государственности и духовности. По своим характеристикам существенно отличается от приведенных выше мотивов. Можно выделить религиозное, научное, социальное подвижничество. Научное выступает как универсальное, без признания границ и национальностей. Известны случаи прививания врачами болезнетворных штаммов инфекционных болезней, испытания на себе новых медикаментозных препаратов, взаимодействие с радиоактивным излучением. Целью является обретение объективных результатов, способных помочь избавиться от болезни, добиться использования научных исследований во благо человечества. Миссия А. Швейцера, отправившегося в необжитый район Африки, построившего больницу для туземного населения и работавшего там на протяжении десятков лет, пренебрегая комфортом и благополучием, получила всемирное признание и Нобелевскую премию мира в 1952 году. Таких примеров служения в истории не так уж много.

Христианское подвижничество появляется уже в III-IV веках н.э. и связано с широким распространением религиозных представлений, свойственных данной конфессии. Вплоть до раскола XI века и оформления самостоятельных церквей – католической и православной, оно было всеобщим примером духовной жизни для всех христиан. «Словарь русского языка» С.И. Ожегова предлагает такое истолкование данного понятия: «Подвижник – человек, героически принявший на себя тяжелый труд и лишения, муки ради достижения высокой цели», а «подвижничество – самоотверженная деятельность, свойственная подвижнику». Таким образом, наряду с милосердием и прогрессом стимулом деятельности может служить не только благо всех, но и интересы конкретного народа и государства. Проанализировав истоки христианской концепции подвижничества, можно выявить специфику социального рода и ее трансформацию в пределах Российской империи.

«Известно, что еще в III веке явились в христианской церкви подвижники-отшельники, люди, которые угождали богу и достигали нравственного усовершенствования необыкновенными подвигами христианского самоотвержения, отрешившись от всего земного, вдали от людей, в самом строгом

уединении и безмолвии» [1, с. 7]. Борьба с телесной природой человека во имя Высшего становится для них каждодневным испытанием. Звери не выдерживали жестоких условий местности, где жаждущие духовной истины выбирали свои жилища. Отказавшись от плотской жизни, комфорта, благополучия, общения с другими, веселья и праздников, выбрав непрекращающийся пост, безмолвие, нищету, постоянную молитву – они твердо определились в решении дилеммы души и тела. Первое – путь к духовному совершенству, второе – тяжкий груз, оковы, не пускающие человека к Богу. Мирское разумение, воздаваемые почести, месть, преклонение – ничто перед тем, что открывает ищущему другую правду, не совпадающую с правилами социального мира. Богатство и бедность, добродетель и порок – противоречия, решаемые в зависимости от выбора цели жизни. Сиюминутное проигрывает перед вечным. Не нуждаясь в известности, не афишируя свои подвиги, они достойно несли бремя испытаний и лишений. Путь смирения перед братией (если дело происходило в монастыре) или перед странниками, пришедшими увидеть спасающегося, представляет собой уничижение, собственное несовершенство, чувство вины перед Создателем. Стезя вопреки голосу природы доказывала возможности победы духа, способность личности возобладавать над естественными проявлениями, но условием становится служение Высшему. Обычный человек получал пример подражания, образец поведения. Не веря в свои силы, осознавая слабости и безволие, каждый знал, что преодолеть телесное возможно, потому что есть Великие подвижники, которые радеют не только о себе, а и обо всех грешных, не нашедших в себе твердости встать на этот путь. Укрепление одной отдельно взятой личности служит целому обществу. Преподобный Авва Дорофей говорит, что люди по мере их приближения к единому центру их духовной жизни – Богу и сами становятся ближе друг к другу и, напротив, по мере удаления от Него удаляются друг от друга» [2, с. 44]. Разлад, пропасть между людьми есть следствие их эгоистических стремлений, желания первенствовать, властвовать над другими, соперничество за обладание внешними атрибутами бытия. Помощь ближнему, бескорыстие, жертвенность становятся объединяющим началом. Смысл христианского подвига заложен не в себе самом, а в действии во благо окружающих. В богословской литературе начала XX века (В.А. Кожевников «О значении христианского подвижничества в прошлом и настоящем» и др.) подчеркивается отождествление подвижника с монахом и аскетом, они не принимают нравственной атмосферы жизни, ее требований и установок, заменяя их на христианские добродетели – милосердие, сострадание, терпеливость, служение. Отдавая свои силы Богу, подвижник своими советами и наставлениями выполняет пастырский долг. Прозрев сам, он должен помочь нуждающимся. Отмечу, протестантизм считает аскетизм искажением первохристианской церкви, не признает монашества. Его направленность отвечает идее личного преуспевания, достижению материального благополучия. Эгоистическое начало – составная социального успеха: если его подавить, то нарушается стимулирование трудовой деятельности. Принцип «Бог помогает тому, кто сам себе помогает» минимизирует солидарность, взаимопомощь, бессеребренничество.

Начиная с XI века, на Руси входит в обиход чтение «Четьи-Минеи», в котором, согласно календарю, рассказывается о жизни русских святых, их биографии, пути к Богу, искушениях и препятствиях, преследующих праведников, их поучения, обращения к жаждущим света. Текст обновлялся по мере канонизации церковью новых святых, отмеченных праведной жизнью, христианскими подвигами, особым смирением перед злом, деяния во благо всех христиан. Среди почитаемых монахов, священников есть имена русских государственных деятелей: святого мученика Михаила, князя Черниговского, боярина его Федора, от нечестивого Батыя пострадавших; святого благоверного князя Александра Невского, преподобного благоверного князя Даниила Московского. Пострадавших за веру православную, служивших не славы ради, а отстаивавших интересы народа, вверенного их власти. Эта тенденция уже отличает контекст подвижничества, складывающийся после раскола 1054 года на католическую и православную церковь. Кроме отшельников, постников, великих пустынножителей и молчаливцев в орбиту поклонения и почитания входят лица, жизнь которых была посвящена государственной деятельности. Обычные христианские добродетели дополняются социально значимыми: справедливость, патриотизм, законность, благотворительность, воинская доблесть. Новый формат служения Богу реализуется не только через аскетизм, т.е. личное самоограничение, а и через жертвенность за веру перед лицом врага, бессеребренничество, милость к подданным. Воспринимая другого как члена своего сообщества, связанного узами общей религии, обычаями территории и страдая за него, сражаясь, совершенствуясь в добродетелях, человек воспринимает свои поступки как необходимые для других, понимая трудности этого пути. Соппротивление тевтонским рыцарям, монголо-татарскому язычеству – это борьба не только за свободу и независимость Родины, но и за свое право на веру предков. Данная тенденция становится неотъемлемой частью русской истории. Неразрывность понятий определяет духовную атмосферу того времени. Дух побеждает плоть, вера – честолюбие и тщеславие, измена национальным интересам отождествляется с грехом перед Богом. Ответственность перед народом, избравшим тебя (как в случае с князем А. Невским) требует отречения от эгоистических помыслов, вдохновляет на борьбу. Пример непокорности перед внешней силой, способность принять

муку за людей одной веры становится еще одной гранью русского православия в отличие от принципов католической церкви, которая замыкает подвижничество в строгие границы церковной жизни.

В житиях описывается историческая ситуация, приводятся наставления, поучительные примеры, содержание текстов изобилует пояснениями не только церковного характера, но и моральными иллюстрациями. Не только мечом, но твердостью веры запомнились святой мученик князь Михаил Черниговский и боярин его Феодор. В отличие от многих русских князей, согласившихся поклониться идолам в обмен на власть, дарованную Ордой, решили принять страдания, не отступаясь от Иисуса Христа. «Я не боюсь той смерти, чрез которую могу удостоиться вечного пребывания с Богом. И для чего нам многое говорить? Я – христианин, исповедую Творца неба и земли, твердо в Него верую и с радостью умру за него» [3, с. 257]. На другие качества обращает внимание повествование о Святом благоверном князе Александре Невском. Твердость, воля, терпимость, осмотрительность помогают ему решать государственные задачи; милосердие, сострадание, смирение отличают его как сына церкви. Духовная стойкость становится источником патриотизма, прощая былые обиды, не желая славы, осуществляет он ратные победы. «Сам Бог рассудил вековой спор, оградил наше Отечество от козней латинян, указал предел распространения немецкого владычества, мощною рукою своего угодника, благоверного князя Александра, грозно предостерег не вторгаться в чужие пределы и не посягать на русскую святыню – православную веру. Великую услугу оказал святой Руси ее защитник благоверный, «непобедимый», как называли его современники, князь Александр Ярославич, и никогда святая Русь не забывала и не забудет этого великого земного подвига его» [3, с. 284]. Независимо от социального статуса, человек выбирает свои способности и возможности, чтобы послужить соплеменникам, не соотносясь с личной пользой. Подвижничество – не яркое мгновение, не озарение, а достойная нравственная жизнь в большом и в малом, выявляющая сущностные моменты личного бытия. Оценка соотношения земных благ и вечных, земной славы и небесной происходит в ином мироощущении. Избранничество накладывает новые испытания, поднимает вопрос о предназначении. Человек берет груз непомерный для житейского измерения, подвижник – доброволец, сражающийся с темной силой, неважно, какую форму она принимает. Сила убеждения оказывается в некоторых случаях более сильным оружием, чем дружина. Преподобный и благоверный князь Даниил Московский прославился миротворчеством, несмотря на обиды родных и близких, наговоры, брань со стороны других князей, отстаивал правду, прекращал вражду, разрешал ссоры, проявил милосердие к пленникам и побежденным. Целью своей считал мир подданных и покушался на чужие земли, воспользовавшись слабостью соседа. Приведенные выше примеры позволяют судить о жертвенности людей, облаченных властью. «Четы-Минеи» приводят десятки поучительных историй о подвижниках русского православия.

Имя святого преподобного и богоносного Сергия Радонежского, игумена Печерского, выделяется не только в агиографической литературе, но и в большинстве изданий, посвященных русской истории. Его подвиг отшельника, подвижника, чудотворца ассоциируется с деятельностью во благо народа, национального спокойствия, борьбой за независимость. В XIV веке татары покровительствовали церкви и священнослужителям: не обременяли данью, не забирали в рабство (полон), не разоряли хозяйства. Церковный сан позволял вести жизнь безопасную, достаточно обеспеченную и спокойную по тем временам. Выбор остается: где служить богу – в городе, селе, под покровительством князя, боярина или искать путь тяжелый, полный испытаний, угроз, лишений. Св. Сергий Радонежский останавливается на втором. В чаще строит деревянную часовню, где в одиночестве (брат Стефан, не выдержав трудностей, покинул его) возносит молитвы. Постепенно вокруг него собирается братия, строится церковь, возникает монастырь. Подвижник никому не отказывает в помощи. Монастырь на Руси – центр духовной жизни, культуры, просвещения, защиты от врагов, оплот веры. Их строительство инициирует хозяйственную деятельность, помогает осваивать дикие, пустынные места. За подвижниками следуют крестьяне, ремесленный люд, спасаясь от непосильных налогов, разорения внешними и внутренними врагами. Границы государства расширяются, прирастает его богатство. «...Многие из основателей (монастырей – А.М.) приобрели по смерти повсеместное уважение, толпы народы стекались к их мощам. И это, в известной степени, способствовало сплочению нравственных сил народа, что в особенности сказывалось там, где святые чествовались не местно, а всею Русью» [4, с. 117]. Только личное благочестие вызывает всеобщее уважение. К св. Сергию Радонежскому обращаются за помощью в разрешении споров – политических, экономических, нравственных. Доверяют бескорыстия, мудрости, справедливости, удаленности от суетных желаний. Подвижник не чуждается никакой деятельности, не выделяет страждущих по социальному происхождению. И еще очень важная черта, которая со временем будет отделять истинное служение от проявлений славолубия – отказ от властных полномочий. Не устранившись от общественных проблем, отказывается от предлагаемой ему митрополии, осознавая те соблазны и искушения, которые предоставляет близость к власти. Поддержка борьбы за свободу Руси, благословение кн. Дмитрия Донского перед Куликовской битвой и отправка с войском иноков Пересвета и Осляби – все это демонстрирует патриотизм, радение за правду, понимание земных сложностей, стоящих перед государством. Служение религиозное объединяется со служением общественным – ни

конкретному лицу, ни группе, а всему миру. В русскую историю св. Сергей Радонежский входит как «покровитель, заступник и охранитель государства и церкви. Во исполнение своего пастырского долга он обращается с беседами и наставлениями к властям предрежащим. Безукоризненный авторитет позволяет удерживать от кровопролития, братской ненависти, возможных несправедливостей. Сила воздействия такова, что заключенное между кн. Дмитрием Московским и Олегом Рязанским перемирие остается нерушимым, несмотря на прошлые взаимные обиды. Подвижничество в кризисные моменты истории становится объединительной силой, способной, благодаря нравственному величию, искренности, духовному мужеству, стать примером для многих тысяч соотечественников.

Во времена церковной реформы Петра I смысл подвижничества меняется. Так как государство берет под свой контроль церковь, то интересы первого превалируют, задавая направленность развития второй. Светская власть диктует в лице назначенного императором обер-прокурора приоритетные положения. Во многом из служения оформляется казенная служба. Подвижничество остается в чести у народных масс. Из их среды выступают яркие образцы особой жизни, где верховенство духовных принципов остается неизменным. Примеры героизма и жертвенности в основном представляются сражениями, военными походами, осадой крепостей. Мотивом доблестных действий утверждается в Отечестве Вера. Большинство войн, которые вела Россия в XVIII – начале XIX веках, носили межконфессиональный характер, поэтому вопросы церковные ставились наряду с экономическими и политическими. Национальная свобода отождествляется с правом на собственное исповедание. Выполнение своих гражданских обязанностей становится доминирующим, а христианская мораль должна воспитывать и укреплять человека в выполнении своего долга. Вовлеченность все большего числа населения в социальные процессы открывали возможности и собственной реализации в светском пространстве, не исключая религиозного подвига (XVIII – Св. Серафим Саровский, XIX – Св. Иоанн Кронштадский и др.). «... Наглядным свидетельством обилия святости на Руси, дававшим ей дерзновение величать себя «Святою Русью», было широкое разлитие по лицу земли русского монашества и монастырей. Секуляризационное давление императорских правительств только на опыте проверило необыкновенную живучесть русского монашества и даже повело к новому его расцвету» [5, с. 452]. Меняются формы служения: активное миссионерство не только в пределах империи, но и в Японии, Северной Америке, Китае, устройство богаделен при монастырях и помощь нуждающимся в ней, участие в военных номинациях – деля все лишения и опасности с простыми солдатами.

Вторая половина XIX века ознаменовалась в России отменой крепостного права, реформами Александра II, экономическим ростом, утверждением буржуазных отношений. К официальной доктрине «самодержавие, православие, народность» добавляются новые общественные идеологии, связанные с развитием революционного движения. Служение государству в интеллигентной среде объявляется постыдным и позорным заискиванием перед несправедливой властью, независимо от поставленных целей. Объявленные свободы создают условия для формирования земских учреждений. Сельские школы, больницы, органы опеки и благотворительности должны помочь крестьянской массе, составляющей подавляющее большинство населения. Просвещение народа, забота о его здоровье объявляется полем приложения всех сил молодого поколения. Человек, воспитанный в гимназии и университете, обладающий культурными навыками, пользующийся наследством и благополучием, должен вернуть долг тем, благодаря кому его жизнь была лишена страданий, нужды, беспросветности. Таким образом, провозглашается объект поклонения и жертвенности. Личные привычки и привязанности, культурная роскошь, желания должны быть отринуты, чтобы служить страждущим и убогим. Вынужденный аскетизм – составляющая этого процесса. Тысячи недоучившихся студентов, семинаристов, выпускниц Смольного института, порвав с семьей, отправляются в деревню сеять «разумное, доброе, вечное», объяснять, учить, проповедовать. Атеистическое мироощущение переворачивает систему ценностей: в человеке из народа видят не «образы и подобие Божие», а бесправное существо, нуждающееся в поучении, грамоте, обязательном прививании. Милосердие заменяется революционными преобразованиями. В христианском подвижничестве изменяется смысловая установка. Раньше - через служение людям служение Богу. Теперь общественная польза самопожертвования видится в совершенствовании социального устройства или его изменения. Работа в губерниях, охваченных эпидемиями, голодом, стихийными бедствиями создавала образ подвижника-гуманиста, не чиновника, а подлинного интеллигента, не пожалевшего своей карьеры, чуждого стяжательству и приспособленчеству. Русская литература, как рупор истины и правды, впечатляла читателей яркими картинами социального подвижничества. «Мечтая об уездном городе – он находился в сорока верстах от меня. Мне очень хотелось убежать с моего пункта туда. Там было электричество, четыре врача, с ними можно было посоветоваться, во всяком случае не так страшно. Но убежать не было никакой возможности, да временами я и сам понимал, что это малодушие. Ведь именно для этого я учился на медицинском факультете...» [6, с. 16]. Или: «... Скажу вам только одно: нельзя сидеть сложа руки. Правда, мы не спасаем человечества и, быть может, во многом ошибаемся, но мы делаем то, что можем, и мы – правы. Самая высокая и святая задача культурного человека – это служить ближним, и мы

пытаемся служить как умеем» [7, с. 518]. Личный интерес отдается во власть общественному. Радость конкретного человека есть слабость, уступка мещанству. Только в большом можно найти подлинное духовное удовлетворение. Обязанность русской интеллигенции через забвение всего индивидуального слиться с народом и принести ему пользу. Высоко оцениваемыми добродетелями считались: отказ от личной жизни, тяжелый физический труд, способность к самопожертвованию, опрощение, нравственное самосовершенствование. Высшей формой подвига объявляются тюрьма, ссылка, каторга, эшафот. Отдать жизнь за народ – высшая форма жертвенности.

Эволюционные перемены считались слишком медленными. Самодержавие воспринималось как главный тормоз общественного развития, несправедливая система, причина всенародных бедствий. Устрашение его защитников и харизматического носителя монархической власти виделось как разрешение социального конфликта, расчищение пути к светлому будущему, в котором воссияет счастье, радость, просвещение, духовное обновление, будет забыта нищета, несправие, невежество. Участие в терроре – высшая ступень революционного подвижничества. Расплата собственной жизнью за достойное существование миллионов, порождала исключительное восхищение и преклонение перед ними... «Святой народного дела», «Святой революции» – понятия, вошедшие в лексический обиход, христианская чистота жизни объединялись с убийством, экспроприациями, жестокостью и кровопролитием. Участие в терроре – награда, признание заслуг и нравственной зрелости (с точки зрения революционной морали). Аскетизм, скромность, добровольная бедность – качества, необходимые борцу, со временем они усложняются – отказ от семьи, любовных привязанностей, физические страдания (Рахметов в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» закаляет волю самоистязанием). Добродетели оцениваются целью, поставленной революционным сообществом. «Катехизис революционера» С. Нечаева отсекает все большие и малые слабости, свойственные человеку. Служение свободе отрицает сложившийся в обществе порядок: церковь, государство, институты собственности и брака. Почитание человечества должно заменить все устаревшие понятия. Абсолютный характер требований вытесняет конкретную личность. Жизнь подменяется абстрактной схемой, отступление от нее объявляется предательством, изменой и достойно презрения. Если христианское подвижничество избегает любого резонанса, афиширования, разговоров, предпочитая тишину, неузнанность, то новый формат подвижничества тиражирует легенды революционного подвига, мужества, требует прижизненного поклонения и почитания. Бог заменяется партией, которая направляет и руководит, которая знает, что нужно народу, а что не нужно, как ему жить, от чего отказываться. Послушание партийной дисциплине, выполнение решений комитетов – условие осуществления великой цели. Личное понимание действия, усилие перестают играть свою роль. Подчинение не высшему, а земному преобладает и, следовательно, не застраховано от ошибок и заблуждений. Революционное подвижничество нуждается в партийной санкции. «Он не раз слышал, что только социалисты – честные люди, и что уважающий себя человек в России не может не быть революционером. И, не зная ни партии, ни социализма, ни революции, не отдавая себя отчета, что такое террор, и даже не задумываясь над этим, он вдохновенно, по-юношески решил, что обязан служить народу. И когда он это решил, незнакомая и далекая партия стала близкой, родной и любимой» [8, с. 53]. Передача собственного права на служение официальной инстанции умаляет инициативу, ответственность, рвение, лишает человека возможности проявления личностного, а не того, что от него ожидают. Отказ от сотрудничества с государством, неприятие патриотизма, национальных интересов сужает поле деятельности, делает нуждающихся в помощи заложниками политической борьбы. ореол революционных мучеников создавал почву для мстительности, антагонизма, конфронтации, погребая идею служению другим под ворохом меняющихся лозунгов.

В своей статье «Героизм и подвижничество» С.Н. Булгаков отметил разрыв с традицией христианского понимания подвига у русской интеллигенции. Непроходимая пропасть между классами генерировала ненависть, а помощь становилась возможной в том случае, если социальная группа вела себя в соответствии с политическим учением. Революционный путь порождал ощущение исключительности: если человек готов пожертвовать собой во имя высших идеалов, оценка его поступков должна проходить по иной шкале морали. Проявляющееся высокомерие, снисходительность входят в противоречие с делом служения, в нем чувствуется подтекст тщеславия и честолюбия. «Упорный, дисциплинированный труд», который приносит реальные результаты и пользу многим не в чести. «Стремление к спасению человечества» выталкивает нуждающихся за пределы революционного сознания. Кропотливая работа врача, учителя, инженера не привлекает, в ней нет пафоса, она воспринимается как рутинная, повседневность, а, следовательно, лишена возвышенного. С.Н. Булгаков подчеркивает, что православную веру заменяет «религия человекобожества», только в земном измерении. Духовное начало – милосердие, сострадание, терпимость к отдельному человеку отрицается, спасение всех по своему разумению, не интересуясь желанием и согласием спасаемых – путь нового поспраивания общественного служения в России. «Если для героизма характерны вспышки, искание великих деяний, то здесь (в христианском подвижничестве – А.М.), напротив, нормой, скорее, является ровность течения, «мерность», выдержка, неослабная самодисциплина, терпение, выносливость. Верное

исполнение своего долга, несение каждым своего креста, отвержение себя с предоставлением всего остального Промыслу – вот черты истинного подвижничества» [9, с. 151].

Советский период истории России утвердил приоритет революционного подвижничества. Великие стройки первых пятилеток, промышленная индустриализация, коллективизация проходили под лозунгом отказа от личного блага во имя мировой революции, потом социализма и коммунизма. Общественные интересы провозглашались выше личных, государственная необходимость превалирует над потребностями личности. Отказ от комфорта и благополучия в обмен на участие во всемирном процессе переустройства – вот принципы советской идеологии. Человек должен служить государству, отрешаясь от счастья и личных желаний. Борьба с мещанством, абстрактным гуманизмом, издержками религиозной морали должна была выковать новый тип человека, принимающего социальный прогресс за единственно верный. Лишения и трудности объявлялись естественными трудностями, их преодоление – критерием политической зрелости. Движение «стахановцев» и другие формы пропаганды за повышение производительности труда строились по принципу энтузиазма, во многом не подкрепленного материальными стимулами. Жизнь конкретного человека обесценивалась, приносилась в жертву идеологической системе. Двойные стандарты официальной элиты (призывы к другим и собственное благополучие) со временем девальвируют принцип служения, оставляя в нем выхолощенную оболочку, растворяя содержание. Апатия, неверие в действенность и необходимость жертвенности подрывают не только государственную систему, но вытесняют солидарность, взаимопомощь, сочувствие, поддержку.

Глобальные перемены начала 90-х годов, изменившие экономическую, политическую и идеологическую компоненту Российского государства, не вернули принцип подвижничества, сложившийся до 1917 года, несмотря на провозглашенную преемственность с русской историей. Западные стандарты заменяют его благотворительностью, социальными гарантиями, общественной ответственностью. Личностное начало служения отождествляется с высокими зарплатами, материальными возможностями. Средства массовой информации делают упор исключительно на профессионализм, стимулирование труда, товарно-денежные отношения. Но традиция бескорыстного служения во имя Отечества, выполнение долга согласуются не столько с денежными эквивалентами, сколько с осознанием себя частью народа, нуждающегося в знаниях, принципиальности. Объединение национальных интересов с религиозной нравственностью становится необходимостью исторического этапа возрождения России. Опыт прошлого подсказывает уже апробированные формы, нуждающиеся, на взгляд автора статьи, в популяризации, прославлении, утверждении в качестве национальной идеи.

Библиографический список

1. Подвижники благочестия Синайской горы / Подвижники. — М.: Паломник, 1994. — 220 с.
2. Архиепископ Феодор. Смысл христианского подвига / Феодор Архиепископ. — Сергиев Посад: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1911. — 180 с.
3. Четьи-Минеи. Святые русского православия / Четьи-Минеи. — М.: Эксмо, 2004. — 473 с.
4. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: Кн. 1 / Н.И. Костомаров. — М.: Эксмо, 2005. — 844 с.
5. Карташев А.В. История русской церкви. В 2-х т. Т. 2. / А.В. Карташев. — М.: Эксмо-пресс, 2000. — 813 с.
6. Булгаков М.А. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1 / М.А. Булгаков. — М.: Антиквар. 1991. — 212 с.
7. Чехов А.П. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2 / А.П. Чехов. — М.: Художественная лит-ра, 1962. — 572 с.
8. Ропшин В. (Савинков Б.). То, чего не было / В. Ропшин. (Б. Савинков). — М.: Русская книга, 1992. — 526 с.
9. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество / С.Н. Булгаков. — М.: Русская книга, 1992. — 526 с.

Поступила в редакцию 10.12.2009 г.